

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ НОВОГО ЦАРСТВА

(Опыт реконструкции)¹

Проф. И. М. Лурье

Источники, удостоверяющие существование законодательства

Существование древнеегипетского законодательства засвидетельствовано рядом источников, как египетских, так и античных. Из античных источников, уже давно известных в науке, подробнее других говорит о нем Диодор (I, 94). Он приписывает установление первых писанных законов Мневису (Менесу) и указывает, кроме него, еще пять царей законодателей. Античная традиция о древности египетского законодательства находит себе подтверждение в древнеегипетских источниках; достаточно вспомнить общеизвестную «Инструкцию везиря», описывающую порядок судебных заседаний, проходивших под руководством этого высшего чиновника, во время которых «40 кожаных свитков развернуты перед ним», для того чтобы признать, что во всяком случае во времена Ср. ц. уже имелись своды законов. Свитки законов упоминаются и в поучении Ипувера, составление которого относится к Ср. ц.²: «законы залы суда— выброшены они прочь; ходят по (ним) на улицах»³.

За многовековое существование страны древнеегипетское законодательство претерпело, без сомнения, ряд изменений, о которых, из-за скудости источников, нам судить пока трудно. Поздняя античная, да и египетская, традиция приписывает появление первого законодательства

¹ Настоящая статья является частью защищенной мной докторской диссертации «Очерки истории египетского права времени Нового Царства». В статье учтены некоторые советы и замечания акад. В. В. Струве, равно как и остальных моих оппонентов, высказанные ими при обсуждении моей работы, за которые приношу им мою глубокую благодарность.

² См. об этом в моей статье «Беседа разочарованного со своим духом», ТОВЭ, т. I, стр. 149 сл.

³ 6, 9—11. Русский перевод текста см. акад. В. В. Струве, Речение Ипувера, Соцэкиз, М.—Л., 1935 г.

божьему волеизъявлению (богу Тоту) и в этом отношении она не отличалась от представлений многих народов, приписывавших свои законы богу. Однако такое представление не мешало фараонам устанавливать новые законы. Так, Диодор приписывает фараону Сесихису¹ установление законов, касающихся культа², Сесосису³—установление законов, касающихся военного сословия, Бокхорису—законодательство в области финансов и фиксацию формуляра частноправовых контрактов⁴, Амазису—выработку должностных норм для номархов и низшей администрации. Последним законодателем Диодор считает царя Дария⁵. Египетские источники также говорят о введении новых законов—наиболее ярким примером является указ Харемхеба.

Все же, несмотря на сравнительно многочисленные указания о наличии законодательства древнего Египта, сами своды законов все еще остаются недоступными исследователям: полные своды не найдены, а те фрагменты их, которые дошли до нас, в большей своей части до сих пор еще не опубликованы. Мне известно существование следующих фрагментов законов: от Ср. ц. собрание законов, касающихся арендаторов⁶, и от Птолемеевского времени—фрагменты гражданского кодекса⁷ и демотический папирус, также содержащий части гражданского кодекса⁸.

Скудость данных, говорящих об египетских законах, объясняет, почему в исследованиях, посвященных древнему Египту, в том числе даже в тех, которые специально заняты рассмотрением его права, обычно очень мало места уделяется законодательству.

«Законы, «наказы» и «декреты». Судя по доступному нам материалу, египетское законодательство Н. ц. состояло из «законов» *hp* из *tp-rd* «наказов», «инструкций» и *wd* «декретов», «указов». Термин *hp*, равно как *tp-rd*, в надписях и документах Др. ц. не встречаются и появляются только

¹ Bérard, в REG 50 (1937), стр. 289, отождествляет этого фараона с первым фараоном V дин.

² Заслуживает быть отмеченным, что Pirenne устанавливает как раз для начала V дин. серьезные изменения в положении клира (*Histoire des Institutions et du droit privé de l'Ancienne Egypte*, III, стр. 343). Не свидетельствует ли это о том, что источники Диодора, которым он пользовался, говоря о древнеегипетском праве, заслуживают большего доверия, чем им обычно оказываются?

³ Очевидно, Сенусерт.

⁴ Еще M. p. i e g, *Un achat de terrains au temps du roi Si-Amon*, издавая одну стелу времени фараона Сиамона (XXI дин.), содержащую контракт, отметил, что Бокхорис, очевидно, не выработал новые законы, а лишь кодифицировал нормы, существовавшие уже раньше (*Bibliothèque d'École des hautes études, sciences historiques et philologiques*, Paris 1922, том 234 стр. 361—366).

⁵ Диодор, I, 94—95. Сообщение Диодора, рассказывающего о том, что Дарий, изучая прежние обычаи, советовался со жрецами, подтверждается демотической хроникой, изданной W. Spiegelberg, *Demotische Studien*, Heft 7, Leipzig, 1914, в которой (столб. С, 6—16), следуя переводу акад. В. В. Струве, мы читаем: «Он послал (в) Египет к своему сатрапу в 4 году, говоря: пусть приведут мне знающих людей... из воинов, жрецов и писцов Египта, которые (выйдут) из него зараз и пусть они запишут закон Египта, который был раньше, вплоть до 44 года фараона Яхмеса—закон фараона, храмов и народа и (пусть) принесут сюда».

⁶ Не опубликованы. Они известны лишь из упоминания G. Möller, *Paläographie*, I, стр. 14.

⁷ Изданы W. Spiegelberg, *Aus einer ägypt. Zivilprozessordnung*, Abhandl. Bayer. Ak. d. Wiss., Neue Folge, № 1; K. Sethe u. W. Spiegelberg, *Zwei Beiträge zu dem Bruchstück einer ägypt. Zivilprozessordnung*, ib. № 4.

⁸ Папирус был найден в 1939 г. и еще не издан. Илложение лучше сохранившейся части папируса дано в статье проф. Гизехского Университета G. Mattha, Preliminary report on the legal code of Hermopolis West, *Bulletin de l'Institut d'Egypte*, т. XXIII (1941), стр. 297 сл., получению которой я обязан любезности проф. М. А. Коростовцева.

со Ср. п.¹ Было бы, однако, неправильным делать из этого вывод, что в Др. ц. законов не было и существовало лишь обычное право. Такому предположению противоречит твердо установившаяся и достаточно разработанная форма царских декретов, установления которых редактируются по той схеме, которую мы видим в законах позднейших периодов, а также наличие частно-правовых документов и судебных протоколов, свидетельствующих о фиксации разного рода соглашений и процессов. Исходя из этого, может быть, и следует согласиться с мнением Пиренна, утверждающего, что в противоположность к *wd nsw.t* — «царскому декрету», являющемуся просто «царскими решениями...», которые не вносят никаких изменений в существующие законы, *wd, ssp r wsh.t* Цр царский «декрет, принятый в большой зале Гора», и есть «закон»². Однако во времена Н. ц. термин *wd* не имеет значения «закон»: во всех тех случаях, где применен этот термин, речь идет именно о царском декрете, т. е. о документе, дарующем те или иные привилегии и имеющем ограниченное применение. Узаконения, которые вводились подобными царскими декретами, в смысле действенности ничем не отличались от законов *hp*: они могли даже устанавливать более суровую кару за различные преступления, чем то было предусмотрено обычными законами, однако их действие всегда было ограничено территориальными рамками того владения или поселения, которому были дарованы привилегии. Для Древнего царства мы имеем довольно большое число подобных декретов³, но от Н. ц. их сохранилось немного: характерным образцом такого декрета времени Н. ц. можно считать иммунитетную грамоту, пожалованную фараоном Сети I владениям храма Осириса в Наури⁴. Вполне возможно предположить, что с течением времени различные установления царских декретов, распространенные на ряд храмов и владений, воспринимались, как нечто столь обычное, что затем включались в своды законов⁵ и становились таким образом законами *hp*.

Эрман и Грапов обратили внимание на то, что термин *tp-rd* часто употребляется параллельно с *hp*⁶. Они, очевидно, имеют в виду случаи, сходные с теми, которые можно найти в надписи Тутмеса III о сделанных им после его походов дарениях и пожертвованиях богу Амону, в которой он между прочим заявляет, что он сделал для Амона «все законы и все наказы»⁷, или же в биографии везиря Рехмира, утверждающего, что при нем «каждый закон (*hp*) и наказ (*tp-rd*) находились на своем месте»⁸. Следовательно, во времена Н. ц. понятие *tp-rd* воспринималось как нечто сходное, но отнюдь не тождественное *hp*.

О том, что следует понимать под *tp-rd*, лучше всего судить по дошедшим до нас текстам «должностная инструкция везиря» и «назначе-

¹ Впрочем, может быть, термин *hp* и применялся в Др. ц., так как он засвидетельствован в поучении Птаххотепа, возникновение которого во времена Др. ц. мне кажется не исключенным.

² J. Pirenne, ук. соч., II, стр. 239.

³ См. мою работу «Иммунитетные грамоты Древнего царства», ТОВЭ, т. I, стр. 93 сл., где даны переводы всех грамот этого времени.

⁴ Русский перевод этой грамоты дан в работе М. А. Коростова, Декрет Сети I в Наури, «Исторический архив», т. II, стр. 239 сл.

⁵ Я думаю, что нередкое во времена Н. ц. утверждение фараонов о том, что они «укрепляли законы» (см. хотя бы примеры, собранные Египт - Гароф, Аегурт. Wörterbuch, т. II, стр. 488, 13), имеют в виду именно переписку законов, при которой в них вносили различные коррективы или включали новые установления.

⁶ Египт - Гароф, Аегурт. Wörterbuch, т. V, стр. 299, 2 указывают, что понятие *tp-rd* часто встречается наряду с *hp* «законы».

⁷ K. Se the, Urkunden der XVIII Dyn. 7719, 14.!

⁸ Ук. соч. 1095, 10

ние везиря»¹, носящим название *tp-rd*; тексты эти вырезаны в гробницах нескольких везирей Н. ц.², хотя и восходят к Ср. ц.³. Первый из них содержит нормы, устанавливающие взаимоотношения везиря с другими чиновниками, и регламентирует порядок рассмотрения им различных дел, второй содержит морально-этическое поучение, неизменно произносившееся фараонами на протяжении нескольких веков при обряде возведения везиря в его сан: выполнение везиром норм, предписанных этими документами, считалось для него обязательным. Следовательно, *tp-rd* являлись узаконениями, регулировавшими должностное право.

«Инструкция везиря» и «назначение везиря» являются, повидимому, лишь незначительной частью того обширного должностного законодательства, которое существовало в Египте. Тексты, напр., упоминают *tp-rd n ms'* «наставление для войск» и *tp-rd n w'b* «наставление для жрецов»⁴. Верховный жрец Амона-Ра устанавливал подобные должностные нормы для подчиненных ему ремесленников: в надписи Ромарой—верховного жреца Амона-Ра сообщается, что он был «дающим все наказы» (*tp-rd*) ремесленникам⁵. Вполне допустимо, мне кажется, предположить, что для каждой должности существовали свои *tp-rd*, регулировавшие обязанности соответственного должностного лица и указывавшие порядок назначения на должность. Такое предположение подсказывают не только перечисленные «наставления» для везиря, для войск, жрецов и ремесленников, но и надписи о назначении Мерира верховным жрецом Атона⁶ и Туту—жрецом храма Эхнатона⁷: сходство этих двух надписей настолько велико, что оно может быть объяснено только тем, что они взяты из соответственных «наставлений».

Таков тот скучный материал, которым располагает исследователь, пытающийся изучить древнеегипетское законодательство. И все же мне представляется возможной попытка реконструкции некоторых положений древнеегипетского права. Для этой цели могут быть использованы, к сожалению, пока еще весьма малочисленные данные судебной практики и клятвы⁸.

Значение клятвы в судопроизводстве

Почти в каждом юридическом документе и надписи, сообщающей об юридическом документе, встречаются клятвы. В каких-же случаях и для чего их произносят?

В многочисленных документах, касающихся ограбления фиванского некрополя, обвиняемые и свидетели произносят клятвы по требованию

¹ Ук. соч., стр. 1086—1093; русский перевод см. Б. А. Тураев, История Древнего Востока, I, стр. 225—6.

² «Должностная инструкция везиря» имеется в гробницах везирей Амонусера (вр. Тутмеса III), Рехмира (вр. Тутмеса III и Аменхотепа II), Амонемипета (вр. Аменхотепа II) и Пасара (вр. Сети I и Рамсеса II). «Назначение везиря» сохранилось в гробницах везирей: Амонусера, Рехмира и Хапи (вр. Тутмеса IV).

³ См. напр. Б. А. Тураев, Египетская литература, стр. 75.

⁴ K. Sethe, Urkunden der XVIII Dyn., 1095, 10.

⁵ Le feuve, Inscription concernant les Grands Prêtres d'Amon Romé-Roë et Amenhotep, текст I, стр. 2.

⁶ N. de G. Davies, The Rock tombs of El-Amarna, I, табл. XVIII.

⁷ Ук. соч., VI, табл. XIX.

⁸ Так как почти все известные ныне данные относятся ко времени Нового царства, я вынужден ограничиваться в своей работе только этим периодом.

суда¹ или по собственной инициативе². Далее, при заключении в суде контрактов о найме рабынь их владельцы клятвенно удостоверяют получение денег за время найма, обязуясь одновременно возместить работой этих же рабынь возможные дни их болезни³. В процессе, касающемся признания долга, суд требует от ответчицы клятвы, в которой та должна подтвердить правдивость своих показаний; такую же клятву дают суду и все свидетели по данному делу⁴. В процессе, касающемся обвинения в хуле фараона, от обвинителей, когда суд установил лживость обвинения, потребовали клятвы, в которой те отказались бы от своих заявлений и одновременно обязались не возбуждать их вновь⁵. В процессе, касающемся права владения земельным участком, свои показания подтвердили клятвами стороны и свидетели⁶. В процессе, касающемся требования возместить стоимость павшего (?) осла, истец ссылается на клятвенное обязательство, данное ответчиком при заключении соглашения о найме⁷. Клятвенное обязательство дает должник в соглашении о денежном займе⁸ и в соглашении о займе головной подставки⁹. Лица, признанные виновными в хулиганстве, клянутся в том, что они исправятся¹⁰. Обвиняемый в воровстве клятвенно отрицает свою вину¹¹. Владелец сдаваемого в наймы осла клятвенно заверяет нанимателя, что никакое третье лицо не имеет на него прав¹². От лиц, призванных оракулом неправыми, требуют клятвы в том, что они не обжалуют приговора и согласны с ним¹³. В споре о праве собственности на могилу перед судом произносит клятву свидетель, а затем стороны¹⁴. Лицо, которому бог посредством оракула указал вора, укравшего у него ткани, заставляют дать клятву в том, что он не потребует от вора пени¹⁵. Жреца, совершающего ритуальное очищение, заставляют поклясться в том, что он не войдет к богу¹⁶ и в другом случае от него же требуют клятву в том, что он не будет испрашивать оракула относительно назначения нового жреца¹⁷. По требованию тестя зять клянется не обижать свою жену¹⁸. Наконец, клятвой защищает права усыновленных ею детей рабыни некая певица бога Сета¹⁹.

Если мы попробуем систематизировать приведенные данные, то прежде всего окажется возможным установить, что клятвы являются необходимым элементом процесса (безразлично — уголовного или гражданского), в котором их произносят для подтверждения своих показаний свидетели

¹ См. напр. ПБрМ 10052, 5.4—5; 5.26—27; 7.2—3 и мн. другие.

² См. напр. ПБрМ 10053, vs. 2, 18; 3, 5; 4, 6 и мн. др. Впрочем, очень может быть, что в подавляющем большинстве случаев клятвы, которые выглядят как произнесенные по собственной инициативе, на самом деле были произнесены по требованию суда.

³ Пап. Гуроб II, 1 и 2; строки 7—9 и 17—20; ПБрМ 9784, 25—27 и ПБрМ 9785, 14—17. Ср. также пергамент Луврск. музея 1577, 3—6.

⁴ ПНМ 65739, 17—19 и 26—28.

⁵ ОКМ 25556, 7—9.

⁶ Надпись Меса N. 20—36, S. 5—6 и 12.

⁷ ОБМ 1121

⁸ ОДЭМ 61, 3—5; см. также ОБМ 10655; ОДЭМ 56, 1 сл. и 57, 2 сл.

⁹ ОДЭМ 58, 2 сл.

¹⁰ Пап. Сальт. 124, vs. I. 6—7.

¹¹ Ib., vs. I, 12.

¹² ОДЭМ 62, 4—6.

¹³ ОДЭМ 133, 5—6; ОБрМ 5625, vs. 8—10; ПБрМ 10335, vs. 7—11 и ОКМ, 25553, 4—5.

¹⁴ ПБрМ 10496, vs. 2—5 и 12.

¹⁵ ПБрМ 10335, vs. 20—21.

¹⁶ Pap. Tur. (P. u. R.) LI—LX, rt. I, 10—11.

¹⁷ ib., rt. I, 13.

¹⁸ Остр. Бодленианской б-ки 253.

¹⁹ Пап. Гардинер, vs. I, 1—7.

и стороны. Последнее заслуживает особого внимания, ибо совершенно очевидно, что одна из клятв неизбежно была ложной¹. Далее мы заметим, что в ряде случаев от лиц, проигравших дело, требуется клятвенное согласие с приговором. Наконец клятвы произносят стороны при заключении разного рода сделок и соглашений. Таким образом клятвы имели в древнеегипетском праве то же применение, какое они имели, например, в древневавилонском².

Однако древнеегипетские клятвы имели одну особенность, насколько мне известно, не засвидетельствованную в праве других народов древнего Востока. Эта особенность состоит в том, что древнеегипетская клятва в юридических документах обычно предусматривает наказание, которому должно быть подвергнуто лицо, произнесшее ее, в том случае, если показание окажется ложным или если условие, подкрепленное клятвой, не будет выполнено. Вот, для образца, два примера того, как выглядят клятвы: «Если не истинно все сказанное мною, пусть я буду посажен на кол», — клятвенно заявляет обвиняемый в грабеже некрополя, сообщая о том, как было разделено награбленное имущество³. «Как существует Амон, как существует Правитель! если я дам пройти 10 дням и не отдам Гормину эти одеяния, они будут против меня вдвойне» (т. е. «я буду ему обязан вернуть два одеяния»), заявляет должник⁴.

Эта особенность древнеегипетских клятв, если счесть ее соответствующей действительности, т. е., если санкции, предусматриваемые клятвой, действительно применялись к тем, кто произнес ее ложно или нарушил подкрепленное ею условие, не только дает очень много для понимания характера египетского правосудия, но превращает сами клятвы в источник исключительной ценности для реконструкции законодательства.

Совершенно бесспорным такое понимание клятв было бы, если бы можно было установить хотя бы один случай, когда текст непосредственно сообщает, что наказание, предусмотренное клятвой, было наложено на клятвопреступника. К сожалению, те тексты, которыми я располагаю, такого случая не приводят. Поэтому я вынужден попытаться доказать предлагаемую точку зрения иным путем.

В свое время Шпигельберг довольно скептически отнесся к возможности использовать для изучения египетского права клятвенные заявления. Так, касаясь клятв, предусматривающих наказание в виде изувечения и отправки в Эфиопию, он писал: «В общем, при использовании подобных клятв, мы должны будем действовать с большой осторожностью»⁵; а о клятвах, предусматривающих наказания в виде 100 ударов или отдачи на съедение крокодилу, Шпигельберг говорит: «такие гиперболы для наших дней имеют столь же незначительную ценность, как наше: «если я согнал — пусть я буду отдан пальчу» для немецкого уголовного права»⁶. Мне думается, что скепсис Шпигельberга не обоснован. В самом деле, так ли невероятны наказания, предусматриваемые клятвами в юридических документах? Среди них встречаются: изувечение⁷, изувечение и отправка на

¹ На это обратил уже внимание S e i d l, *Einführung in die Aegyptische Rechtsgeschichte*, Glückstadt, 1939, стр. 36, отметив невозможность клятвенных показаний обеих сторон в римском процессе.

² А. П. Рифтин, Старо-Вавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР, стр. 21.

³ ПБрМ 10053, vs. 3,5.

⁴ Остр. Петри 67 (J. Černý, JEA XV, 249).

⁵ S p i e g e l b e r g, *Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches*, 1892, стр. 70.

⁶ Ук. соч., стр. 70—71.

⁷ Пап. Майер А, I.18; I.22 и мн. др.

каторжные работы в Эфиопию¹, просто отправка на каторжные работы в Эфиопию², сажание на кол *tp ht*, наказание 100 ударами и нанесение 50 ран³, наказание 100 ударами и утрата прав на долю спорного имущества⁴ или на все спорное имущество⁵, наказание 100 ударами и уплата двойной стоимости оспариваемого имущества⁶, уплата двойной стоимости⁷, имущественная ответственность⁸, отрезание языка⁹, лишение звания и превращение в ремесленника¹⁰, отдача на съедение крокодилу¹¹ и, наконец, «помещение на задворки дома»¹².

Почти все эти наказания, уже не как предусмотренные клятвами, а как те, которым были в действительности подвергнуты преступники, или же, как те, которые были установлены царскими указами, мы можем найти в других документах. Так, сажание на кол предусмотряется декретом Сети I в Наури¹³, в том же тексте упоминается, как наказание, нанесение 100 ударов и 5 ран¹⁴, отрезание носа и ушей¹⁵, лишение звания и превращение в земледельцев¹⁶, а также имущественная ответственность¹⁷. Предусмотренное клятвами наказание в виде помещения на задворки дома, вне сомнений, является тем же, которое указано в упомянутом уже декрете Сети I: «отдадут его жену и детей в неджёты, принадлежащие Дому этому»¹⁸. Что же касается ссылки на каторжные работы, наказание подобного рода нередко встречается в источниках, но в них как место ссылки упоминается Большой оазис¹⁹ и крепость Чару²⁰ на Сирийской границе Египта; поэтому, хотя о ссылке в Эфиопию сообщают только клятвы, такое наказание вполне правдоподобно, тем более что, например, Диодор, описывая изнурительный труд в золотых рудниках Эфиопии, отмечает (III, 12), что среди работавших в них людей очень многие были преступниками.

Что же касается отдачи на съедение крокодилу, то и оно упоминается, правда, в литературном тексте Ср. ц., как наказание для прелюбодея²¹.

Нашей гипотезе противоречит как будто наказание в клятве об усыновлении детей рабыни²²: «Сказала она (женщина, которая усыновляет детей). Как существует Амон, как существует Прагитель! ж. з. б. Я сделала этих людей людьми, которые записаны как немху земли фараона, ж. з. б.

¹ ПБрМ 10052 3.22—23; 5.4—5 и мн. др.

² ПБрМ 10053, vs. 4.6; ПБрМ 10052, 4.22 и мн. др.

³ ПБМ 10496, vs. 12—13.

⁴ ОбрМ 5625, 9—10; Остр. Бодлеянской б-ки.

⁵ ПКМ 65739, 16—17.

⁶ ОДЭМ 133, 5—6; ОБМ 10655, 3—5.

⁷ ОДЭМ 61, 3—5; ОКМ 25553, 4—5 и др.

⁸ ОБМ 1121, 6—7; ОДЭМ 62, 4—6.

⁹ Пергамент Луврск. муз., AF. 1577, 3—6.

¹⁰ Пап. Сальт., vs. I, 6—7.

¹¹ ПБрМ 10335, 14—17.

¹² Надпись Меса N. 35 и N. 36.

¹³ Стр. 77—78.

¹⁴ Стр. 53.

¹⁵ Стр. 51. Это то же наказание, которое в клятвах называется «изувечение».

¹⁶ Стр. 52.

¹⁷ Стр. 54—55 и 67—71.

¹⁸ Стр. 74. С этим же наказанием A. Gardiner (JEA I, стр. 35, прим. 6) сравнивает замечание ПЭМ 1116 А. строки 142—143: «Погибнет время слабого через тех, которые на задворках дома Ахтоя» (этой ссылкой я обязан акад. В. В. Струве).

¹⁹ Примеры собраны у H. vug sch, Reise nach der Grossen Oase, стр. 83 сл.

²⁰ Декрет Харемхеба 17 и 22.

²¹ Пап. Весткар IV, 5—6.

²² Пергамент Луврск. муз., AF. 1577, vs. 5—7.

И если сын или дочь, брат или сестра их матери или их отца оспорит их права, кроме Падиу, моего сына—они вовсе не даны ему как слуги,—они даны ему как братья или сестры и дети, как немху земли фараона, ж. з. б.—изнасилует его осел, изнасилует осел его жену—того, кто назовет одного из них слугой». Но здесь не обычная клятва. Дело в том, что санкции, которые обычно предусматривают клятвы, грозят не постороннему лицу, а тому, кто сам произнес ее. В приведенном же случае угроза обращена к постороннему лицу. Поэтому здесь клятву следует понимать как заклятие против возможного нарушителя воли усыновляющей. Такая клятва — заклятие и не может предусматривать конкретного наказания, а грозит карой, имеющей моральную, а не юридическую силу¹.

Таким образом, факты говорят о том, что наказания, которые упоминаются в клятвенных показаниях или заявлениях, вполне реальны. Однако это хотя и делает достаточно вероятным мое предположение, что именно та санкция, которая предусмотрена в формуле клятвы, и должна была бы быть применена против того, кто произнес ее ложно, но не доказывает его бесспорным образом. Да и кроме того надо учсть, что, приводя доказательства реальности наказаний, я совершенно не считался с тем, за какие преступления подвергались им.

Хотя, как я отмечал уже выше, мы не имеем случая, когда бы текст непосредственно сообщал о том, что к кому-либо применили наказание за ложную или нарушенную клятву в соответствии с тем, как было им самим заявлено в клятве, мы располагаем данными, говорящими о наказаниях, понесенных по обвинениям, аналогичным тем, по которым были даны клятвы. Приведу два примера.

В контракте о найме рабынь их владельцы—городянка Пиах и ее сын жрец-убаб Мини,—получив от нанимателя, начальника пастухов Месуа обусловленную за их работу плату, произнесли клятву: «Тогда сказали они: «Как существует Правитель! Как существует Правитель. Если проболеют эти дни (это), составит день на день, ибо я удовлетворен ценой»². В силу этой клятвы владельцы рабынь обязались возместить в двойном количестве возможные дни болезни рабынь. Точно о таком же возмещении, но фактически уплаченном, мы знаем из сходного контракта, заключенного тем же начальником пастухов Месуа с владельцем двух других рабынь, пастухом Небмехи. «Тогда проболела два дня рабыня Хенут (говорит Месуа) и он (т. е. Небмехи) дал мне два дня Мериреметеф и два дня раба Нахтети перед свидетелями многими»³.

Другой пример дает нам процесс грабителей царских могил. В нем некоторые из обвиняемых по требованию суда произнесли следующую клятву: «дали ему поклясться владыкой, ж. з. б., говоря: «если я скажу ложь—я буду изувечен и я буду посажен на кол»⁴, т. е. они призывают на себя, в случае если окажутся виновными, ту кару, которая, как мы знаем из текста, также относящегося к этому же процессу, постигла семью грабителей могил: «Грабители прежде посаженные на кол—семь человек»⁵. Это дает дальнейшее подтверждение высказанному мной предположению.

Наконец, подтверждает предлагаемую точку зрения функциональное

¹ Совершенно аналогичны угрозы, содержащиеся на дарственных стелах: ведь и там это—заклятия, обращенные против третьих лиц—возможных нарушителей воли донатора. Часть примеров таких заклятий собрана у G. Möller, *Das Dekret des Amenophis, des Sohn des Haru*. (SPAW, phil.-hist. Classe, 1910, стр. 932 сл.).

² Пап. Гуроб II, 1 и 2; 7—8. См. также ib., 17—19; ПБМ 9784, 26—27 и ПБМ 9785, 16—17.

³ ПБМ 9784, 8—10.

⁴ ПБрМ 10052, 7,2; 8, 26; 10,2; 10, 12 и др.

⁵ Пап. Майер А. В. В. I.

назначение клятв, произносимых при допросах и процессах обвиняемыми, сторонами и свидетелями.

В самом деле, если бы оказалось, что клятва, т. е. призывание в подтверждение показаний имени царя и богов, имела силу безусловного доказательства, тогда можно было бы счесть наказания, предусматривающиеся в клятвах, при всей их реальности, простым заклятием или пережитком его. Однако в Н. ц. клятвы, как правило, безусловными доказательствами не считались.

Это можно заметить почти в каждом документе, представляющем протокол процесса или допроса. Ведь, если бы клятва во времена Н. ц. рассматривалась, как бесспорное доказательство, достаточно было бы стороне (или обвиняемому) подкрепить свое показание клятвой, как суд должен был бы признать поклявшегося правым. На самом же деле весь ход процессов и допросов говорит об ином. Независимо от данной заинтересованными лицами клятвы суд производит расследование, применяя очные ставки, пытки, обыски.

Совершенно очевидно, что это было бы невозможно, если бы клятва считалась безусловным доказательством. Почему же ее все-таки производят в суде и для чего суд требует ее произнесения?

Египетский процесс, его обряд, восходят к начальным периодам египетской истории. При развитии классового общества и сопутствовавшего ему усложнению правовых отношений суд сохраняет в себе много прежних черт, не отвечающих уже новым требованиям жизни. Клятва в суде — одна из этих пережиточных черт.

Вероятно, было время в истории египетского права, когда клятва решала дело. Ее произнесение отдавало сторону под покровительство богов, и людское правосудие должно было отступать перед этими высшими силами, которым и принадлежало наказание виновного в случае, если клятва была ложной. Позднее клятва перестала быть универсальным доказательством правоты, и суд стал требовать более ощущимых данных.

Однако и в последующие периоды произнесение клятвы при совершении разного рода юридических актов, равно как и при судоговорении, в силу устойчивости традиций, продолжает быть обязательным, но теперь к призыву имен бога и царя стали добавлять нечто новое — определение той кары, которая должна будет постигнуть виновного в нарушении соглашения или в даче ложного клятвенного показания. Указание санкций (различной, конечно, для разных случаев) стало второй, неотъемлемой частью клятвенного заявления. Первоначально санкций, вероятно, указывались клянущимися произвольно, позднее диктовались нормами обычного права, а затем — закона.

С появлением норм обычного права, а тем более позднее при установлении закона, надобность в указании санкций при клятвенных показаниях или заявлениях, по сути дела, разумеется отпала, но к этому времени вся формула клятв приобрела такую устойчивую традицию, что произнесение ее стало юридической формальностью, необходимой для придания законности сделке или процессу. Опираясь на клятву (я имею в виду входящую в ее состав санкцию), суд выносил свой приговор.

Именно поэтому, думается мне, в протоколах суда мы не находим решения, которым суд указывал бы, что надлежит сделать с виновным или что присуждается истцу; приговор очень краток и сводится к формуле «прав X, не прав Y». А то, что вытекало из этого приговора, было определено клятвами сторон (а вовсе не «подтверждающим разъяснением», которое, по аналогии с Римским правом, реконструирует Зейдль¹).

¹ Ук. соч. стр. 38.

Однако в некоторых случаях клятва сохранила свое прежнее значение безусловного доказательства. Так, сообщение Геродота о том, что клятвой можно было освободить я от обвинения в воровстве (II, 174), засвидетельствованное и Диодором (I, 79), следует признать вполне достоверным и, насколько я могу судить по переводу некоторых отрывков текста, оно находит себе подтверждение в одном неопубликованном документе Берлинского музея, датируемом XVIII дин. В нем сообщается о том, что отец, обвинивший своего сына в краже домашних вещей, после клятвы последнего должен был отказаться от своего обвинения¹. Можно таким образом предполагать, что в тех случаях, когда обвинение (или иск) не имели за собой твердых доказательств, клятва еще во времена Н. ц. освобождала от обвинения.

Все приведенные соображения, как мне кажется, делают высказанное выше предположение о назначении угрозы наказания, входящей в состав клятвенной формулы, вполне обоснованным и мы, следовательно, можем считать, что клятва во времена Н. ц. не только призывала в свидетели царя и богов, но и определяла приговор над виновным.

Реконструкция некоторых норм древнеегипетского права

Именно поэтому клятвы, в сопоставлении с данными судебной практики, я считаю, дают возможность частично восстановить древнеегипетское законодательство времени Нового царства.

Пытаясь реконструировать некоторые положения права, я учитываю, что помимо законов, наказов и декретов, восходящих в той или иной мере к обычному праву, могли, разумеется, сохраняться в неприкосновенности отдельные нормы обычного права, ставшие неприемлемыми для господствующих слоев египетского общества и потому не вошедшие в писанные законы. Однако такие положения обычного права могли, как мне кажется, применяться только при маловажных спорах, которые, возможно, улаживались решениями старейшин поселений в тех случаях, когда стороны хотели к ним обратиться (но документов, отражающих подобные случаи, пока не обнаружено). Допустить же предположение, что судебная палата — кенбет, — заседавшая под председательством везиря, равно как и храмовый суд, могли в своих решениях руководствоваться теми нормами, которые сознательно не были включены в писанные законы, мне кажется мало вероятным.

С другой стороны, под воздействием изменившихся общественных отношений могли возникать новые нормы, только при позднейших «кодификациях» вошедшие в состав писанных законов. Поэтому, до тех пор пока не будут обнаружены сами свитки законов, не может быть полной уверенности в том, что реконструируемые нормы египетского права отражают именно законы (*hp*), а не ново-возникающие обычаи. Однако мне кажется, что те моменты права, которые рассматриваются ниже, по своему характеру должны были входить в состав именно законов, ибо они касаются таких норм, для которых, насколько известны социальные отношения Нового царства, изменения не были необходимы.

a. Законы против воровства. Нормы, направленные против воровства,

¹ Кожаный свиток БМ, Р. 3029. Текст частично переведен А. Е г м а п и Р. K e b s, Aus dem Papyrus der Königlichen Museen zu Berlin, стр. 87. Я исхожу из нового перевода отрывков текста, принадлежавшего А. Scharff'у и помещенных у Seidl'a, uk. соч.

были уже частично установлены Я. Черным¹. Указанный ученый, исходя из трех текстов², датируемых временем XIX и начала XX дин., пришел к следующим бесспорным выводам: 1) уличенный вор был обязан вернуть похищенное имущество и уплатить в качестве штрафа дву- или трехкратную стоимость украденного, 2) этот штраф (или пена) обозначался определенным термином или и взимался в пользу потерпевшего и 3) потерпевший мог отказаться от своего права на взыскание штрафа³. Однако выводы Черного, как мне кажется, касаются норм, охранявших только одну группу собственности—частную. Притом они не касаются (ибо известные ныне тексты материала для этого не дают) вопроса о том, как надлежало поступить в том случае, когда имущество вора не давало возможности взыскать с него стоимость украденного и пеню, равно как вопроса о том, различали ли древнеегипетские нормы при определении наказания общественное положение виновного или потерпевшего. Поэтому выводы Я. Черного необходимо пополнить, насколько это позволяет сделать доступный материал.

Остановимся прежде всего на известном мне пока единичном случае, когда за воровство были отрезаны руки⁴. Это наказание, как совершенно нормальное, упоминается в жалобе некоего ремесленника Амоннахта, поданный везирю (а может быть—фараону) на незаконные действия Панеба—одного из начальников ремесленников Фиванского некрополя. Панебу инкриминируется, что вследствие его преступных действий наказание за воровство некоторых вещей, предназначенных для царской могилы, постигло совершенно невинное лицо, у которого отрезали руки, хотя преступление на самом деле было совершено Панебом.

Отрезание рук как наказание за воровство упоминает и Диодор (I, 79).

Далее, мы знаем, что при каких-то условиях за кражу быка полагалась ссылка в Нубию. Об этом сообщается в показаниях раба—сирийца Карбаала, обвиненного в грабеже некрополя⁵. Отрицая свою вину, Карбаал показывает, что он отказался выполнить повеление своего хозяина, потребовавшего, чтобы Карбаал вместе со своими товарищами украл быка в Фиванском некрополе. Свой отказ Карбаал мотивировал следующим образом: «Я, пришедший из Сирии, буду (отправлен в) Куш? Пусть (лучше) мой глава найдет [меня] виновным и изобъет меня за это!».

Еще более суровы были наказания за кражу, совершенную в могилах некрополя. Клятвы, сохранившиеся в показаниях лиц, обвиняемых в ограблении царских гробниц, или свидетелей, пригнеченных по тому же делу, формулируются следующим образом: а) «Дали ему поклясться собственным изувечением не говорить лжи»⁶. б) «Он сделал клятву владыкой, ж. з. б., собственным избиением, отрезанием собственного носа, ушней и сажанием на кол»⁷. в) «Дали ему поклясться владыкой ж. з. б.,

¹ J. Сегю, Restitution of, and penalty attaching to stolen property in Ramesside time, JEA XXIII, стр. 186 сл.

² ПЛМ 352; ОЧИ 110 и ПБрМ 10335.

³ К последнему выводу Я. Черный добавляет, что отказ от своего права на штраф имел, повидимому, место в тех случаях, когда украденные вещи фактически не были обнаружены. Это добавление Черного мне кажется необоснованным, ибо единственный известный нам случай, когда потерпевший отказался от штрафа—ПБрМ 10335—не дает оснований для подобного заключения. Ведь в нем вор, признаваясь в краже, заявляет: «Они (т. е. украденные ткани) у меня и я (от)дам их». Вероятнее предположить, что вор просто не обладал состоянием, достаточным для уплаты штрафа.

⁴ П. Сальт 134, гл. I, 7.

⁵ ПБрМ 10052, 12, 8—9.

⁶ ПБрМ 10403, 1.10—11; 3.10—13 и др.

⁷ Пап. Аббот 5,6—7.

говоря: «если я скажу ложь, он будет изувечен и он будет посажен на кол»¹ и г) «он сделал клятву владыкой, ж. з. б., говоря: «если я скажу ложь, он будет изувечен и его отправят в Куш»².

Во всех этих клятвах первая часть формулы, хотя она и выражена разным образом, по сути дела тождественна. Это устанавливается из клятвы одного из обвиняемых—писца Паоемтаут, где она приведена в развернутом виде: «Он сказал: «Как существует Амон, как существует Правитель. Если будет обнаружено, что я общался с грабителями из (числа) этих грабителей, он будет изувечен в его носе и ушах и он будет посажен на кол»³.

Иначе обстоит дело со второй половиной клятвы, в одних случаях грозящей казнью на колу, а в других ограничивающей лишь угрозой изувечения и ссылки в Нубию. Чем же объясняется, что клятвы, произнесенные обвиняемыми по одному и тому же делу, грозят им разными наказаниями? Предположить, что некоторые обвиняемые желали смягчить свое будущее наказание произнесением клятвенной формулы (ведь она, как я это указывал выше, содержала будущий приговор суда), предусматривающей относительно мягкую кару, нельзя—так как формулу клятвы обвиняемые и свидетели избирали не по своему усмотрению, а по указанию суда⁴. Нельзя также предполагать, что эта разница определялась только общественным положением тех, которые были привлечены к делу об ограблении гробниц, ибо мы знаем, что одно и то же наказание предусматривается в клятвах, произнесенных, например, и рабом⁵ и жрецом⁶. Поэтому мне представляется, что единственным объяснением наличия клятв, предусматривающих различные наказания за одно преступление, может явиться предположение, что судом при указании формулы клятвы учитывалась степень вины обвиняемого. Такое предположение может найти себе известное подтверждение в том факте, что судебная практика (а, следовательно, вероятно, и древнеегипетское законодательство) действительно различала степень вины или соучастия в преступлении. Это очевидностью вытекает из наказаний, понесенных обвиняемыми в организации гаремного заговора⁷ и в ограблении могил фиванского некрополя⁸.

То обстоятельство, что наказания, которые призывались в приведенных выше клятвах, были в действительности применены к тем из обвиняемых, чье участие в ограблении фиванского некрополя подтвердилось следствием, лучше всего доказывается папирусом Майер А, в котором даны сведения о судьбе, постигшей обвиняемых. Так, в отношении семи лиц в нем сообщается: «Грабители, прежде посаженные на кол: 7 человек»⁹. А то обстоятельство, что именно это наказание предусматривалось

¹ ПБрМ 10052, 7, 2, 8, 26; 10, 2; 10, 12; 11, 14; 11, 17; 11, 20; 14, 24; 15, 16—17; ПБрМ 10403, 2, 7. Сюда же, видимо, следует отнести клятву ПБрМ 10053, vs. 3, 5, где формула дана в сокращенном виде.

² ПБрМ 10052, 3, 32; 5, 4; 5, 26; 7, 10; 8, 17; 9, 22; 11, 1; 11, 9; 11, 23. Сюда же я отношу клятвы в ПБрМ 10052, 4, 22 и 11, 4, а также ПБрМ 10053, vs. 2, 18, где первая часть формулы опущена.

³ ПБрМ 10052, 14, 23—24. В приведенных мной примерах клятв обращает на себя внимание переход местоимений из 1 л. в 3 л. Это объясняется тем, что писцы, записывавшие процесс, из опасения магии слова, которое могло обратиться против самого писца, записывали призванное в клятве наказание от имени третьего лица.

⁴ Пап. Аббот, 5, 6—7; ПБрМ 10052, 7, 2; 8, 26; 10, 2; 10, 12; ПБрМ 10403, 2, 7 и мн. другие.

⁵ ПБрМ 10052, 7, 2.

⁶ ПБрМ 10052, 11, 17.

⁷ ЮПТМ.

⁸ Пап. Майер А, 11 и сл.

⁹ Пап. Майер А, 13, В. I.

законом за ограбление могил, вытекает из заявления князя Фив, возбудившего вопрос об ограблении некрополя и мотивирующего невозможность умолчать о поступивших к нему доносах о столь великих преступлениях тем, что это—«преступление великое, подлежащее наказанию через казнь сажанием на кол»¹

Таким образом, можно считать установленным, что иногда кража наказывалась повреждением конечностей и ссылкой на каторжные работы в Нубию и даже смертной казнью.

О законодательстве времени XIX дин., охранявшем храмовую собственность от воровства, мы узнаем далее из указа Сети I в Наури. Так, согласно этому указу кража каких-либо вещей, принадлежавших храму, наказывалась 100 ударами и взысканием в пользу храма штрафа в стократном размере стоимости украденного². Еще строже наказывалась кража храмового скота: похитителю отрезали нос и уши, после чего его отдавали в рабство храму, а членов его семьи делали зависимыми людьми того же храма³. Даже косвенное причинение ущерба, явившееся результатом насильственного отвлечения пастуха от его прямых обязанностей, наказывалось 200 ударами и взысканием в пользу храма стократной стоимости скота, утраченного за время отсутствия пастуха⁴.

Почему же за воровство могли налагаться столь разные наказания? Причина этого, как мне кажется, лежит не в том, что судья мог произвольно выбирать наказание (наоборот, я думаю, что египетский судья времени Н. ц. был крайне стеснен в своих действиях и рамками законодательства, и многовековой судебной практикой), а в том, что закон совершенно различно охранял различную собственность. Так, вполне очевидно, что наибольшим покровительством закона пользовалась храмовая собственность (и, вероятно, царская). Это особое положение храмовой собственности вытекало из привилегий, которые получили храмы в силу многочисленных иммунитетных грамот, пожалованных и возобновлявшихся различными фараонами. Этим особым покровительством закона и объясняется большая суровость наказаний за кражу имущества, принадлежавшего храмам.

Наравне с кражей храмового имущества преследовались кражи погребального имущества, совершенные в пределах некрополя. Наказание за кражу быка в виде ссылки в Нубию, зафиксированное в показаниях Карабала (см. выше), находит себе полную аналогию в указе Сети I, дарующем иммунитет храму в Наури. Следовательно, суровость наказаний, примененных в отношении грабителей некрополя, объясняется указанной выше причиной⁵.

Далее следует подчеркнуть, что различные виды храмовой собственности охранялись различно. Из упомянутого уже указа Сети I ясно, например, что скот охранялся более строго, чем какое-либо другое имущество. Вполне естественно поэтому предположить (и процесс грабителей некрополя дает к тому основания), что за кражу той утвари, которая была непосредственно необходима для отправления культа и носила на себе ореол святости, полагалась смертная казнь.

Устанавливаемое различие в наказаниях за кражу храмового имущества позволяет высказать догадку, что аналогичные различия должны были

¹ Пап. Аббот, 6, 12—13. Ср. также ПБрМ 10052, 8. 5.

² Стр. 54—55.

³ Стр. 72—74.

⁴ Стр. 66—71.

⁵ Это, впрочем, вполне естественно, ибо некрополь являлся частью храмовой территории.

существовать и в отношении имущества, принадлежавшего отдельным лицам. В частности мне кажется вполне возможным предположить, что, например, кара за кражу быков—этого жизненно-необходимого при сельскохозяйственных работах животного—была больше, чем при краже какого-либо иного имущества.

Рассмотренный выше материал позволяет притти к выводам, что древнеегипетские законы во времена Н. ц. предусматривали за кражу следующие наказания:

1. За кражу какого-либо имущества у частного лица—возврат похищенного и штраф в размере двух-трехкратной стоимости украденного. Потерпевший мог отказаться от своего права на штраф.

2. За кражу скота, принадлежавшего частному лицу, полагалось более суровое наказание (может быть, как раз отрезание руки, которое упоминается как наказание за воровство в папирусе Сальт 124 и у Диодора).

3. За кражу какого-либо храмового имущества—100 ударов и стократный штраф.

4. За кражу храмового скота—изувечение и отдача в рабство (или ссылка в Нубию).

5. За кражу культового инвентаря—смертная казнь.

Разумеется, это лишь самая общая схема ибо, помимо отмечавшегося уже выше учета египетским законодательством степени виновности в краже, оно предусматривало также возможность усугубления наказания в зависимости от должностного положения виновного. Так, указ Харемхеба предписывает: «Что касается какого-либо воина, относительно которого будет услышано, как говорят: «он идет, чтобы отобрать кожу»—отныне также применяят закон против него путем нанесения 100 ударов и 5 открытых ран, а взятая им кожа отнимается у него вместе с его пеней¹.

Упомянутые здесь тексты позволяют также высказать некоторые суждения относительно того, предусматривало ли египетское законодательство наказание укрывателей и скупщиков краденого.

Некий Пакани, слуга дома Амона, был обвинен в том, что он получил от Бухаефа (одного из инициаторов ограбления царских могил) какое-то количество серебра. Пакани не отверг этого обвинения, но сказал: «я получил два дебена серебра и я оплатил их². Тем не менее текст отмечает: «была дана ему свобода».

Несколько иначе решил суд в отношении начальника землемельцев Яхенмену, также обвиненного в том, что он попользовался награбленным добром. Яхенмену признал, что он получил от двух грабителей в общей сложности 5 кит золота, 3 дебена серебра и 2 быка. По решению суда Яхенмену был отпущен на свободу, однако его обязали вернуть полученные от грабителей деньги. «Везирь сказал ему: «пусть будут присенены нам эти деньги». Он (т. е. Яхенмену) сказал: «я (от) дам их³.

Из этих случаев я делаю следующие выводы: 1) лицо, купившее краденое, не несло никакой ответственности за происхождение приобретенного и 2) лицо, получившее краденое иным путем (Яхенмену не указывает, почему ему было дано золото, серебро и быки—вероятнее всего, это взятка), было обязано вернуть краденое.

б. Законы против ложных обвинений. В протоколе судебного процесса времен Тутмеса IV между чиновником (*w^cw*), представителем фиска,

¹ Правая сторона, стр. 28.

² Пап. Майер 10, 18—20.

³ Пап. Майер 10, 2—8.

и одним из храмов богини Гатор, в лице начальника сокровищницы этого храма, относительно взыскания с этого храма налогов, после приговора суда: «Прав [начальник] сокровищницы Себекхотеп, не прав Мери», имеется следующая приписка: «Тогда он (имеется в виду Мери) был бит 100 ударами»¹.

В своих комментариях к этому тексту его издатель В. Шпигельберг² указал, что наказание 100 ударами палок приговором не предусмотрено и причина его, вследствие фрагментированности текста, остается непонятной.

Мне кажется, что причину этого наказания все же можно объяснить.

Из остракона Каирского Музея 25556, содержащего черновик протокола судебного заседания, посвященного разбору обвинения в произнесении хулы на фараона, мы узнаем, что обвинители, после того как они отказались от выдвинутого ими обвинения и подтвердили свой отказ клятвой, были наказаны: «И им дали 100 полноесных ударов палки»³. В том, что здесь наказание было применено за ложное обвинение, не может возникнуть никаких сомнений. А это дает право предположить, что наказание, которое постигло чиновника Мери в процессе относительно храмовых податей, было вызвано той же причиной. В пользу этого говорит мотивировочная часть приговора по этому процессу: в ней, после ссылки на то обстоятельство, что вопрос об освобождении храма от податного обложения рассматривался еще во времена Тутмеса III, указывается: «Путь не тягаются с ними согласно закона»⁴. Этой мотивировкой суд указывал, что чиновник Мери заведомо неправильно возбудил процесс, следствием чего, очевидно, и явилось его наказание.

Эти два текста дали мне основание еще в свое время сделать вывод, что во времена Нового царства «лица, возбудившие ложное обвинение, подвергались палочному наказанию»⁵. Дальнейшее подтверждение этому дает хотя бы обращение маджая Амонхау к богу с просьбой установить его права на осла. В этом тексте сообщается о том, как после троекратного обращения к богу маджая Амонхау, получающего каждый раз отрицательный оракул, жалобщика обязали произнести клятву следующего содержания: «если я вновь вернусь к делу, я буду под 100 ударами палки и буду должен ему двух ослов»⁶. Сходный случай зафиксирован и в оракуле по поводу тяжбы о праве собственности на могилу: от лица, признанного оракулом неправым, потребовали клятву: [если] я вновь оспорю его, я буду под 100 ударами и я утрачу (свою) долю»⁷.

Все это полностью подтверждает мой прежний вывод о том, что лицо, возбудившее ложное обвинение, подвергалось палочному наказанию.

Однако новые привлеченные мною примеры позволяют уточнить это положение: если ложное обвинение грозило ответчику имущественным ущербом, то на истца помимо палочного наказания накладывался штраф. Это может быть подтверждено дополнительными данными. Так, свидетица по делу о признании долга, сделанного ею при покупке рабыни (долг составлял лишь часть стоимости рабыни), произнесла клятву: «если свидетели покажут против меня, что было какое-либо имущество горожанки Бекмут (истец) в деньгах, которые я дала за эту служанку, и если

¹ Пап. МООК II, 4—5.

² ÄZ, 63, стр. 105 сл.

³ Стр. 9.

⁴ Пап. МООК II, 2—4.

⁵ Замечания к пап. Моок, Сек. № 1 (1929 г.), стр. 11 сл.

⁶ ОДЭМ 133, стр. 5—6.

⁷ ОбрМ 5625, vs. 10.

я утаила его, я буду под ста уларами и я утрачу ее¹. Ответчик по земельной тяжбе поклялся в своей правоте: «если будет сделан розыск и если будет найдено, что я обработал.... часть..., то я буду разорен»². В копии документа, излагающего один из предшествовавших этапов той же земельной тяжбы, зафиксирована клятва женщины по имени Маия, которая, судя по ее показаниям, в одном из предыдущих поколений являлась стороной. Эту клятву она произнесла под угрозой: «я утрачу свою долю»³.

Впрочем, имущественный штраф далеко не всегда имел место. Так, в упомянутом процессе о взимании податей с храма Гатор ничего не сообщается о взыскании штрафа с истца: повидимому, в этом случае штраф не был взыскан, может быть потому, что истец не преследовал личных выгод. С другой стороны, известен случай (уже упоминавшийся земельный процесс), когда истец поклялся в своей правоте тем, что если он окажется изобличенным во лжи, пусть ему отрежут нос и уши и сожрут в Нубию⁴. Возможно допустить предположение, что истец по этой земельной тяжбе не обладал имуществом, могущим явиться достаточной гарантией уплаты им штрафа, поэтому ему была предложена формула клятвы, грозившая более тяжким наказанием.

Эти же документы дают мне известное основание высказать предположение о том, что свидетелей, если бы они оказались виновными в произнесении ложных показаний, подвергали тому же наказанию, которое грозило представителю той стороны, чьи слова они подтверждали. Такой вывод подсказывают клятвы, имеющиеся в земельной тяжбе Меса и в процессе о признании долга. В первой свидетели—пасечник Гори, уаб Папа, начальник конюшни Небнефер и воин Бучартуф—поклялись (так же как и сам истец) тем, что им отрежут нос и уши и сожрут в Нубию⁵, а свидетельницы: «пусть меня поместят в конец дома»⁶. Свидетели же по процессу о признании долга клянутся: «пусть отнимут у нас слуг»⁷, т. е. тем же наказанием, которым поклялась ответчица.

Реконструируемое положение древнеегипетского законодательства о том, что свидетелю за ложное показание полагалось то же наказание, что и обвиняемому, вполне соответствует сообщению Диодора (I, 77).

в. Законы против нарушения соглашений. Сравнительно много данных имеется о нормах, регулировавших нарушение разного рода соглашений и обязательств.

Так, при найме рабыни на определенный срок (таких соглашений известно несколько) лицо, отдавшее рабыню в наем, клятвенно обязалось, в случае если рабыня заболеет и не сумеет работать, возместить полученную оплату вдвое: «Тогда сказали они: «Как существует Правитель, как существует Правитель! Если проболеют эти дни (это), составит день на день, ибо я удовлетворен ценой»⁸. И наказанием за невыполнение такого обязательства, в точном соответствии с тем, что говорится в подобных клятвах, действительно являлся двойной штраф: «Тогда проболела два дня рабыня Хенут и он (т. е. владелец рабыни.—И. Л.) дал мне (нанимателю.—И. Л.) два дня Мериреметеф и два дня раба Нахтсети»⁹, читаем мы в документе, касающемся соглашения о найме рабынь.

¹ ПКМ 65739, 18—19.

² Надпись Меса N. 26—27.

³ Ib. S. 6.

⁴ Ib. N. 21—22.

⁵ Ib. N. 28; N. 30—31; N. 31—32 и N. 34—35.

⁶ Ib. N. 35 и N. 36. Это, видимо, наказание, которое применяется только к женщинам и соответствует ссылке на каторжные работы.

⁷ ПКМ 65739, 27—29.

⁸ Пап. Гуроб II, 7—9. См. также ib. 17—19; ПБМ 9784, 25—27 и ПБМ 9785, 16.

⁹ ПБМ 9784, 8—10.

Совершенно очевидно, что подобное наказание являлось обычным и нормальным при невыполнении условий каких-либо сделок или соглашений. Некий человек, например, клянется Амоном и Правителем: «если я дам пройти 10 дням, не отдав Гормину этого одеяния, я буду должен это вдвойне»¹. В другом случае некропольский ремесленник Хнуммес, признанный судом виновным, клянется оплатить какие-то продукты под угрозой двойного штрафа². Двойной штраф грозит лицу, не вернувшему в срок занятые деньги³.

В некоторых случаях клятвы грозят нарушителю соглашения не только штрафом, но и наказанием 100 ударами палкой: «Если я дам пройти последнему дню третьего месяца šmw, не дав 20 (дебан) этой меди Амонемипету, я буду под 100 ударами и уплачу вдвойне», клянется перед судом водонос некрополя Пеннут. Аналогичную клятву, по требованию суда, произносит маджай Амонхау: «Если я вновь вернусь к делу, я буду под 100 ударами палки и буду должен ему двух ослов»⁴. В последнем случае усугубление наказания за невыполнение обязательства угрозой избиением палкой вызывается, как это видно из всего контекста, тем, что оракул признал притязания Амонхау неосновательными.

Из всех приведенных случаев, как мне кажется, с полной достоверностью можно сделать вывод, что египетское законодательство за нарушение обязательств предусматривало в виде наказания штраф, равный двукратной стоимости предмета обязательства. Что же касается того, почему в некоторых случаях штрафу сопутствовало телесное наказание, объяснить пока еще трудно. Единственно вероятное предположение, которое я могу высказать по этому поводу, сводится к тому, что оно налагалось тогда, когда условия сделки были, без надлежащих к тому оснований оспорены виновной стороной (ср. наказание за ложное обвинение).

Иначе, судя по некоторым данным, египетское законодательство рассматривало случаи нарушения сделок по независящим от сторон причинам. Я имею в виду оговорки, которые имеются в двух клятвах, скрепивших условия соглашений. Наиболее ясна клятва, произнесенная неким ремесленником Менна, сдавшим в наем своего осла: «Сделал он [клятву владыкой, ж. з. б.]: не предстанет какой-либо человек, чтобы взять его завтра [или в будущем]. (Если же это случится) [я отдаю] упложенное им обратно. Так сказал он»⁵. Она же вносит полную ясность в заключительную часть клятвы Хати, сдавшего в наем свою рабыню: «если оспорит это какой-либо человек, пусть будет следуемое на следуемое»⁶, или, другими словами говоря, пусть каждый получит свое обратно.

Таким образом, если третье лицо⁷ оспорит заключенное соглашение, оно расторгается, причем лицо, сдавшее что-либо или кого-либо в наем, получает обратно сданное в наем, а наниматель—выплаченную им сумму. Однако смерть сданного в наем животного не освобождает нанимателя от уплаты всей договорной суммы: «если осел умрет—я буду ему должен, если он будет жив—я буду ему должен», клянется наниматель осла⁸.

Наличие в египетской судебной практике такого рода оговорок, вне всякого сомнения, является ярким и очевидным доказательством большой разработанности законодательства.

¹ Нэизданный ОП 67; см. J. Сэргү, JEA XV, стр. 249.

² ОКМ 25553, 4—5.

³ ОДЭМ 61,5.

⁴ ОБМ 10655, 3—5.

⁵ ОДЭМ 133, 5—6.

⁶ ОДЭМ 62, 4—5.

⁷ ПБМ 9785, 16—17.

⁸ Почему третье лицо может оспорить сделку, из текстов не видно.

⁹ ОБМ 1121, 7—8.

Взаимоотношение древнеегипетского права с правом других стран древнего Востока

Хотя данных для того, чтобы восстановить законодательство древнего Египта, все еще крайне недостаточно, отдельные детали его, как мы видели, реконструировать оказывается все же возможным. Можно также установить и общую схему формулировок законов. Она, представляется мне, сводилась к следующему: «если некто сделает по отношению к кому-либо то-то, его постигнет такое-то наказание». Эту схему можно проследить во всех иммунитетных грамотах, начиная с Др. ц. и кончая наиболее поздними из известных нам; ее же мы видим и в указе Харемхеба¹. Так же формулируются параграфы египетских законов Птолемеевского времени. Из этого мне кажется позволительным сделать вывод, что сборники законов родились как своды конкретных случаев судебной практики, а следовательно, по своей основе восходят к обычному праву. Вместе с тем из этого следует, что по своей форме древнеегипетские законы были весьма схожи с теми, которые существовали у других народов древнего Востока.

Имеющийся материал не позволяет пока установить, в какой мере законодательство и право древнего Египта оказали влияние на право древней Греции, а через посредство эллинизма и на римское и на византийское. Однако уже и теперь мне кажется ясным, что нельзя простой ссылкой на то, что преклонение перед древнеегипетской культурой в некоторые периоды было в Греции модным, отвергать, как это иногда еще делают, прямые указания античных писателей на заимствование отдельных положений права из Египта. И сообщения Геродота (II, 177) о том, что Солон перенес в Афины закон, по которому каждый гражданин обязан был представлять сведения о роде своих занятий, и Диодора (I, 79), приписывающего тому же Солону введение в Афинах египетского закона против рабства-должничества, равно как рассказ того же Диодора (I, 77), что закон, запрещающий казнь беременных преступниц до родов, заимствован из Египта, мне представляется заслуживающим внимания и доверия. Не должно нас поэтому, мне кажется, удивлять, что Платон в своих «Законах»² устанавливает, например, для вора как раз те наказания, которые, как я показал уже выше, существовали в древнем Египте. Недаром же Диодор говорит (I, 94), что древнеегипетское законодательство вызывало восхищение у других народов.

Завоевание Египта греками не повлекло за собой исчезновения древнего права. Так, например, акад. В. В. Струве уже давно отмечал, в отношении земельной собственности, что «в Птолемеевском Египте существовало два права владения, не созданных царствующей династией, но признаваемых ею. Одно из них было египетским господствовавшим в *χώρα*, а другое греческое, признаваемое Птолемеями лишь в области немногих греческих

¹ См. хотя бы уже цитированное выше установление о грабеже кожи.

² Платон, Законы IX, 3: «Для вора, уворует ли он что-либо большое или какую-нибудь мелочь, будет опять-таки установлен один закон и одно судебное взыскание, одинаковое для всех воров. Прежде всего, вору придется в двойном размере возместить стоимость украденного, раз он будет уличен в воровстве, и прочее его имущество, сверх надела, позволяет ему выплатить такую пеню, в противном случае он будет подвергнут тюремному заключению, пока не уплатит или не примирится со своим обвинителем». Известно, что по сообщению ряда античных авторов Платон долгое время провел в Египте, где знакомился со жреческой наукой.

городов Египта»¹. В другой своей работе В. В. Струве, касаясь установленного Птолемеями закона, по которому жрецы были объявлены наследственными обладателями храмовых должностей, приводит доказательства, говорящие о том, что этим было лишь узаконено положение, существовавшее в Египте еще до Птолемеев: «уже в течение многих веков храмовые должности, а также и часть прочих владений храмов фактически стали наследственным имуществом отдельных жреческих семейств»².

Подобных примеров, говорящих о том, что в праве эллинистического Египта сохранились многие положения, существовавшие еще в древности, можно привести много; еще больше их может обнаружить специальное сравнение эллинистического права с тем, что нам известно о древнеегипетском, но это—задача специального исследования, которое, мне хочется думать, облегчит проделанная мною работа.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Надпись Меса—A. Gardiner, *The inscription of Mes*

ОБМ 1121—Hieratische Papyrus aus d. Königl. Museum zu Berlin. III.

Ободл. Б 253—Текст не издан. Имеется французский перевод J. Černý, BJFAO 37, стр. 47.

ОБрМ 5625—A. Blackman, JEA XII стр. 176 сл.

ОДЭМ (с указанием №№ J. Černý, Ostraca non littéraires de Deir el Medineh, I—III; ОКМ 25553, 25556—J. Černý, Les ostraca hiératiques du Musée de Caire.

ОЧИ 110—J. Černý JEA XXIII, стр. 186 сл.

ПБМ 9784, 9785—A. Gardiner, ÄZ, 43, стр. 27 сл.

ПБМ 10496—A. Blackman, JEA XII, стр. 176—185.

ПБрМ 10052, 10053, 10403 и П. Аббот.—E. Peet, *The Great tomb-robberies of the XX dyn.* Тексты и переводы.

ПБрМ 10325—A. Blackman, JEA XI, стр. 249 сл.

П. Весткар—A. Erman, *Die Märchen des Papyrus Westcar.* Berlin, 1890.

П. Гардинер—A. Gardiner, JEA XXVI, стр. 23 сл.

П. Гуроб—II A. Gardiner, ÄZ, 43 стр. 27 сл.

ПКМ 65739—A. Gardiner, JEA XXI, стр. 140 сл.

ПЛМ 352—J. Černý, JEA XXIII, стр. 186 сл.

П. Майер—E. Peet, *The Mayer Papyri A and B.* London, 1920.

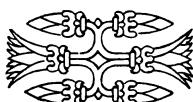
Пап. Мook—W. Speigelberg, ÄZ, 63, стр. 105 сл.

П. Сальт—J. Černý, JEA XV, стр. 243 сл.

Pap. Tur.—(P. u. R.)—Papyrus de Turin. Facsimilés par Rossi et publiés par Pleyte-Leide. 1869—1876, 2 тома.

Указ Харемхеба—W. M. Möller, *Egyptological researches:* I, табл. 90 сл.

ЮПТМ:—Deveria, *Bibliothèque égyptologique publiée sous la direction de G. Maspero,* т. V; перевод de Buck. JEA XXIII, стр. 152 сл.

¹ В. В. Струве, Право владения землями пахотной и виноградной в Птолемеевском Египте, ЖМНП, 1915, стр. 46—47.

² В. В. Струве, Развитие храмового иммунитета... ЖМНП, 1917, стр. 49.